

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

**ОСОБАЯ
ВОЙНА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43   Особая война / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Лесная гвардия. Романы о партизанской войне).

ISBN 978-5-04-229692-5

Партизанскому отряду капитана Романчука поставлена задача взорвать железнодорожный мост, через который идет снабжение подразделений немецкой армии. Зоя Лунева уверена в том, что она способна выполнить самые сложные поручения и втайне от командира решает совершить подрыв самостоятельно. Она знакомится с местной девушкой Марьяной Дубкович, у которой тяжело болен отец-железнодорожник. Зоя предлагает помочь с лекарствами, надеясь войти в доверие к работнику станции. Однако вместо благодарности Дубкович-старший прогоняет Луневу. Партизанка недоумевает. Тем временем на пороге дома появляется немецкий патруль...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229692-5

© Зверев С.И., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Накинув на плечи старый ватник, Романчук вышел проводить своих партизан. Было морозно, но мартовское солнце уже по-весеннему пригревало, вокруг стволов деревьев стали появляться круглые проталины. Бурсак с помощью Зои подтягивал подпругу коня, а Елизавета помогала Канунникову надеть вещмешок, в который она сложила немного еды на случай, если партизанам придется задержаться в пути. Дорога была неблизкая, и ехать придется все время лесом.

— Ты смотри там, Сашка, осторожнее, — напутствовал командир. — Ты с этим Свиридом общался, лучше меня представляешь, что он за человек. Но учти, что Свирид может оказаться честным советским человеком, а вот переводчик Фомин...

— Конечно, Петр Василич, — улыбнулся Канунников. — Мы же только расспросить об этом Фомине едем, чтобы понять, как к нему подсту-

питься. Если он и правда под страхом смерти работает в комендатуре, то это одно. А если он враг, если не за страх, а за совесть служит фашистам, то и соваться не будем. А если уж соваться, так чтобы пулю ему послать от партизан нашего отряда.

— Это понятно, — вздохнул Романчук, — нам очень нужны свои люди, которые рядом с фашистами. Информация нужна. Без нее никак. Тут такое дело, вон Сорока и тот понимает, что если при фашистах никого не найдем, кто бы нам помогал, так стоит подумать, чтобы своего заслать к ним. Как разведчика! Но если человек там и немцы ему все-таки верят, он для нас надежнее.

Елизавета подошла, потрепала коня по гриве, посмотрела на мужа, который сразу замолчал, и сказала, обращаясь к Канунникову:

— Саша, вы если задержитесь, если придется есть в лесу, постарайтесь все-таки подальше уйти, где можно костер разжечь. На морозе мерзлую тушенку есть и холодной водой запивать — это опасно. Нас слишком мало, чтобы еще кто-то слег с простудой и, не дай бог, с воспалением легких.

— Хорошо, Лиза, — с улыбкой кивнул лейтенант и повернулся к Бурсаку. — Семен! Поехали, время!

Март всегда был месяцем, когда весна спорит с зимой. Весна спешит прийти, прогреть землю, а зима не хочет уходить, цепляется еще ночными морозами за свои владения. Но мартовский холод уже не тот, он без январской ярости, без февральских буранов и ветров. Он сковал черную, напитанную талыми водами землю хрустящим настом, а по утрам превращал каждую колею, каждую промоину в коварную ловушку, припорошенную обманчивым снежком.

Утренний мороз щипал щеки, нос. Кони шумно дышали, и из ноздрей их вырывались густые клубы пара. Они осторожно ступали по подтаявшему льду лесной тропы, чуя под копытами коварные ловушки. Воздух был густой, влажный и холодный. Он пах прелой прошлогодней листвой, хвоей, мокрой лошадиной шерстью. Брала щемящая тоска по теплу, которая накопилась за всю долгую и суровую зиму.

Канунников ехал впереди, думая о своей судьбе, о том, как она изменилась, как все вокруг вдруг изменилось сразу, как только началась эта война. Сколько всего произошло с ним после окончания военного училища, приезда на службу в войска. Враг, оккупация Польши, ужасы концлагеря, побег. Думая о своем и о том, что стало со страной, о будущем, за которое он воюет здесь, в тылу врага, лейтенант успевал внима-

тельно смотреть по сторонам, ища признаки того, что где-то здесь побывал человек. Друг или враг? За эти месяцы, что отряд обосновался в белорусских лесах, Канунников сам стал частью этого леса — терпеливый, выносливый, знающий цену каждому звуку.

Молодой инженер Бурсак, тоже хлебнувший горя и повидавший ужасы немецкого концлагеря, раньше в мирной жизни никогда не имел дела с лошадьми. Но сейчас он уже сидел в седле уверенно, его опытный взгляд партизана то и дело устремлялся в проталины меж стволов, где уже проглядывала темная, почти черная земля. Но Семен был в чем-то романтиком, фантазером. Он вслушивался в капель, которая, оттаяв за день, теперь вновь замирала в ледяных слезах на ветвях елей. И в этой тишине ему слышалось другое — глухой, настойчивый гул приближающегося тепла. Казалось, сама земля, скованная морозом, стонала и шевелилась под белой коркой льда, желая сбросить ее с себя.

— Чувствуешь? — вдруг обернулся Канунников, его голос перекрыл монотонный перезвон уздечек.

Бурсак встрепенулся, как будто опомнился, и настороженно посмотрел на командира.

— Чего? Запах?

— Весна, Сенька! — тихо рассмеялся Кануников. — Чувствуешь, что в воздухе преет? Скоро совсем раскиснет под ногами. Зато для фрицев наши тропы станут непроходимым болотом.

И в этих словах было не просто ощущение погоды. В них была вся их нынешняя жизнь, вся их надежда. Эта грязь, эта распутица, в которой вязли танки и обозы фашистов осенью 41-го года, была их союзником. Она будет такой же частью партизанской войны, как засады и подорванные мосты. Мысль о немцах заставила Бурсака сжать поводья крепче. В его памяти всплыли сожженные хутора, лежащие у дороги тела красноармейцев и простых безоружных беженцев. От ненависти к фрицам по спине пробежала знакомая горячая дрожь. Она жила в нем постоянно, тлея, как торфяной пожар под землей, и порой вырывалась наружу, как пламя из горячей топки. Он смотрел на просыпающийся лес и думал о том, что ничто не вечно под луной. Проходит то время, когда они мерзли во влажных шинелях, пальтишках, добытых польскими друзьями в городе Освенциме, когда они боялись каждого шороха. И вот наступает новое время. Теперь они не беглецы, брошенные на произвол судьбы. Теперь они часть Красной Армии, у них теперь есть связь, они получают помощь и выполняют

приказы командования. И ему, Бурсаку, выпала честь сражаться во вражеском тылу, бить врага здесь, помогая своей армии, своей стране.

Они ехали, с нетерпением ожидая, когда же кончится большой лес и на краю его покажется деревушка Стодолы. Мысль о предстоящей встрече со старым Свиридом не покидала обоих. Что он расскажет об этом Фомине? Переводчик в комендатуре... Человек, вынужденный каждый день смотреть в глаза тем, кто принес на его землю столько горя. Свирид уверял, что Фомину можно верить, потому что старик знал его еще до войны по работе в потребкооперации. Мужественный человек этот Фомин, размышляли партизаны.

Не только отчаянные диверсии, но и эта невидимая миру работа во вражеской среде, добытые сведения очень важны. Оба верили: все, что они делают в тылу врага, — это составляет огромное и важное дело сопротивления врагу. И это обязательно приведет к победе.

— Вышвырнем, — вдруг тихо, но очень отчетливо сказал Бурсак, будто продолжая вслух свои мысли.

Канунников придержал коня, обернулся, приподняв густые брови.

— Кого?

— Их. Немцев. Скоро же. Вот только земля просохнет.

Лейтенант хмыкнул, но в уголках его глаз за-легла сеточка морщин, лицо осветило подобие улыбки.

— Вышвырнем, Сенька. Обязательно. Начисто. А пока вот этого «переводчика», с которым нас Свирид хочет свести, нужно разглядеть хорошенько. Решит он помочь по-настоящему или побоится за свою шкуру?

Он пришпорил коня. Впереди, сквозь редкий частокол голых берез, уже виднелся край поля, а за ним — призрачные дымки деревни. Лошади, почуяв близкий отдых, прибавили шагу. Лес отступал, пропуская партизан под лучи мартовского солнца. Он еще стоял в снегу, дышал морозцем, полный тревожной тишины, влажного ветра и непоколебимой уверенности в том, что весна вот-вот придет. Потому что по законам природы она всегда приходит.

Лес отступил, приоткрыв взглядам опушку. Канунников первым поднял руку, замирая в седле. Лошади, почуяв неладное, беспокойно зафыркали и встали как вкопанные.

Там, где должна была быть деревня Стодолы, лежало черное пятно. Не руины, не пепелище — именно пятно. Словно гигантский каток прошелся по земле, сминая все, что попадалось на пути. От домов остались лишь обугленные, почерневшие печные трубы, торчащие из груды

щебня и золы, как скорбные надгробия. Воздух, еще утром пахнувший весенней прелью, здесь был густым, тяжелым и едким. Он был пропитан запахом гари, холодного пепла и еще чем-то сладковато-приторным, от чего сводило желудок.

Никакого движения: ни дымка из трубы, ни крика петуха, ни лая собаки. Только воронье, поднявшееся с поляны с карканьем, нарушало гнетущую, леденящую душу тишину. Это была тишина смерти, абсолютная и всепоглощающая.

— Господи... — сорвалось с губ Бурсака.

Лицо молодого человека стало белым, как мел. Канунников не мог произнести ни слова, его лицо окаменело. Он резко дернул поводья, и конь шагнул вперед, к еще теплым руинам. Тропа, ведущая в деревню, была черной от пепла. И на этой черной ленте, у самого края, лежало что-то бесформенное, темное. Бурсак принял это за брошенную охапку тряпья. Но тряпье зашевелилось.

Они подъехали ближе.

Это была женщина. Вернее, то, что от нее осталось. Она была вся в грязи и саже, старая поношенная шаль прилипла к спине, насквозь пропитанная чем-то темным и липким. Она пыталась ползти, цепляясь обмороженными пальцами за мерзлую землю, оставляя на ней слабые

бороздки и ржавые пятна. Услышав стук копыт, она остановилась и медленно, с нечеловеческим усилием повернула в ту сторону лицо. Оно было иссечено морщинами, залито кровью из рассеченной брови, но глаза... Глаза были живыми. В них горел последний, предсмертный огонь — не страха, а невыносимой муки и надежды, что придет же кто-то, отмстит. Ведь не должно на земле происходить такого, и чтобы земля терпела, сносила все это.

Канунников спрыгнул с седла и опустился перед ней на колени прямо в грязь.

— Мать?.. Кто?.. Немцы?

Женщина с трудом повернула голову, перевела взгляд на партизана. Ее губы, потрескавшиеся и окровавленные, шевельнулись, и хрип, похожий на шелест сухих листьев, вырвался из груди:

— наших... всех... всю деревню... За вас... за партизан...

Она говорила с жуткими булькающими паузами, казалось, выплевывая слова вместе с кровавой слюной.

— Молодых... девок... ребятню... пешком... на станцию... В Германию, слышь... Остальных... в хату... и подожгли... Кто выбежал, всех постреляли...

Бурсак стоял рядом, сжимая в бессильной ярости сорванную с головы шапку. Ему каза-

лось, что земля уходит из-под ног. Весь тот светлый весенний порыв, что гнал его сюда, обернулся чудовищным кошмаром. Он нервно вытирал шапкой лицо, даже не осознавая, что это не пот катится по его лицу, а слезы. Слезы от ярости и бессилия.

— А Свирид... — вдруг выдохнул Канунников с надеждой, которая еще трепетала в груди. — Старик Свирид, он здесь?

В глазах женщины мелькнула вспышка осмысленного ужаса. Она попыталась приподняться, судорожно схватив Канунникова за рукав.

— Свирида... — Ее голос на мгновение прояснился, став ясным и страшным в своей отчетливости. — Свирида... не свои... свой же... Переводчик ихний... из города... что в комендатуре... Друг он Свириду был... старый... А приехал с немцами... Вывел его на дорогу... поговорить, мол... и в упор... из пистолета... Лично... Я из-за забора видела... Сам... смеялся...

Женщина выдохнула последние слова, и сила, державшая ее, ушла. Тело обмякло, рука соскользнула с рукава Канунникова и безжизненно упала в грязь. Взгляд, устремленный в мартовское небо, помутнел и погас. Последнее, что она видела, — двух всадников на фоне дымного неба.

Бурсак отвернулся, и его вырвало. Он стоял, согнувшись, опираясь руками на колени, и давился горькой желчью, пока мир не перестал кружиться. Канунников не двигался. Он медленно, с невероятной нежностью поправил на женщине шаль, закрыл ей глаза и поднялся. Его лицо было не окаменелым, а страшным. В нем не было ни ярости, ни отчаяния. Была холодная, мертвая пустота, на дне которой зрела не человеческая, а какая-то древняя, стихийная ненависть. Он обвел взглядом пепелище, тело на дороге, а потом посмотрел на своего товарища. Голос лейтенанта прозвучал тихо, но с такой силой, что казалось, его слышала вся спящая под снегом земля:

— Видишь, Сашок? Вот она, ихняя «новая жизнь». Переводчик... Друг... — Он с остервенением плюнул в черную грязь. — Теперь у нас другая задача. И другая цель. Поехали.

Он развернулся, и в каждом его жесте, в том, как он вскинул ногу, сунув ее в стремя, было уже не терпение, а непреклонность скалы. Они уезжали отсюда не с надеждой, а с приговором, который вынесли фашистам. И весна, которая шла на смену зиме, пахла теперь не прелой листвой, а пеплом и кровью. В их сердцах горела жажда мести.

— Что же, Саша? Как мы теперь? — Бурсак требил поводья и с надеждой смотрел на Канунникова.

— А вот так! — со злостью бросил лейтенант. — Я по следам за людьми. Они наверняка пешком их гонят к станции. Ты галопом в отряд, поднимай всех. У них одна дорога — через мосток через речку, если на станцию ведут баб. Встречаемся у моста. Я прослежу, посчитаю, сколько их, и встречу вас. А там уже решим, как нам поступить, чтобы ни одна фашистская тварь не ушла живой.

...Когда Бурсак примчался в отряд, его возле дома лесника встретила Зоя. Увидев лицо инженера, она испуганно зажала рот рукой. Первой мыслью было, что с лейтенантом случилась беда. Но Сенька, бросив поводья девушке, побежал в дом и, рванув дверь, с ходу крикнул:

— Собирайтесь все! Все скорее!

— Саша? — тут же выпалила Елизавета и беспомощно посмотрела на мужа.

— Ты что? — Романчук вскочил из-за стола, где он чистил трофейный пулемет. — Что случилось? Где Сашка?

— Там! — выпалил Бурсак и, рванув воротник на груди, чтобы легче было дышать, начал рассказывать.

Зоя стояла со слезами на глазах, Лиза в дверях сжала зубами палец, чтобы болью физической заглушить боль душевную. Сорока и Лешенко прибежали с улицы и с хмурым видом слуша-

ли рассказ. Максимов, повернувшись у радики, слушал, медленно стягивая с головы наушники. В доме стояла гробовая тишина, и только нервный голос Бурсака, казалось, бился в стенах, как обнаженный нерв.

— Вы бы видели, что осталось от них! От деревни! И эта женщина у дороги, она как будто за помощью ползла, из последних сил ползла, чтобы рассказать хоть кому-то...

— Все собираемся! — приказал Романчук и стал собирать смазанный пулемет.

Мужчины схватили оружие, стали подпоясываться ремнями с запасными магазинами для автоматов, рассовывать по карманам гранаты. Зоя тоже деловито схватила «шмайсер», сунула за пазуху пистолет. Максимов кивнул на девушку и тихо сказал Романчуку:

— Командир...

— Лунева, остаешься на базе, — приказал командир.

— Но, Петр Васильевич! — вспыхнула было девушка, однако Романчук строго смотрел на нее.

— Боец Лунева, это приказ! Охранять базу и радиостанцию! Остальные на улицу. Запрягать двое саней.

Когда партизаны унеслись на санях, к Зое подошла Елизавета и обняла ее за плечи. Девуш-